

УДК 165.9:7.046.4
ББК 82.3(0):22.68
Б48

Берёзкин, Юрий Евгеньевич.

Б48 Рождение звёздного неба. Мифология космоса / Ю. Е. Берёзкин. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 288 с.: ил. — *(Звезда лекций)*.

ISBN 978-5-17-117405-7

О чем свидетельствует схожесть представлений о Млечном Пути на Кавказе и на Балканах? Как случилось, что многие европейцы вспоминали ветхозаветную историю Каина и Авеля, глядя на лунные пятна? Почему одни жители Азии и Северной Америки видели в Большой Медведице охотников, которые гонят лося или медведя и несут котелок, чтобы варить мясо, а другие — семерых братьев? В этих и во многих других вопросах автор этой книги пытается разобраться. Для этого он анализирует мифологические представления народов Евразии, Африки и обеих Америк. О них известно из тысяч повествований, записанных этнографами и лингвистами либо извлеченных из древних текстов. Сходство и различия в представлениях о луне и звездах позволяют реконструировать исторические процессы — от относительно недавних до происходивших 10–15 тысяч лет назад и более.

То есть эта книга — не путеводитель по ночному небу, а рассказ о том, что случилось в далеком прошлом. Такое исследование было бы невозможно без современных компьютерных технологий: они сделали доступной информацию, которую полвека назад автор вряд ли смог бы собрать. Но еще важнее — успехи археологии и генетики. За последние годы наши знания о прошлом человечества неизмеримо расширились; именно благодаря этому мы начинаем понимать те послания предков, что зашифрованы в мифах.

УДК 165.9:7.046.4
ББК 82.3(0):22.68

ISBN 978-5-17-117405-7

© Ю. Е. Берёзкин, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об этом издании.	7
Введение. Космонимия среди других наук.	9
Об истории изучения объектов ночного неба.	15
Глава 1. От выхода из Африки до проникновения в Новый Свет	20
Орион — Плеяды — Большая Медведица (африканско-австралийские и другие схождения)	20
Млечный Путь	29
Метеоры, звезды как класс объектов	40
Истолкование лунных пятен.	44
Небесная лодка, челюсть животного	58
Глава 2. Космическая охота	60
Глава 3. Северная Евразия и Северная Америка	74
Пояс Ориона — трое копытных	75
Большая Медведица: охотники и добыча	78
Большая Медведица: семеро братьев. Алькор.	95
Созвездие во все небо и копье, попавшее в хвост	100
Млечный Путь: «позвоночник неба» и «небесный шов»	111
Парные номинации	114
Большая Медведица — ножка, колья, распятая шкура	120
Млечный Путь как дорога птиц.	121
Лунная водоноша. Человек на луне	124
Плеяды: девушки, утиное гнездо, сито	137
Созвездие руки	146

Глава 4. Западная Евразия	150
Большая Медведица: небесная повозка	150
Плеяды: курица с цыплятами	154
Орион: жатва и сенокос	157
Орион: весы и коромысло	161
Соломенный путь	163
Прочие поздние номинации	165
Глава 5. Темы мировой мифологии	174
Каталог фольклора и мифологии мира	174
Мировое распределение мифологических мотивов по темам	176
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	187
БИБЛИОГРАФИЯ	191
УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОНИМОВ И КУЛЬТУР	251
ПРИМЕЧАНИЯ	259

ОБ ЭТОМ ИЗДАНИИ

Эта книга о сюжетах и образах, отражающих представления об объектах ночного неба — звездах, созвездиях и лунных пятнах. Основой для оценки времени распространения определенных образов и сюжетов служит наличие сходных мотивов на территориях, контакты между которыми имели место лишь в определенные эпохи. Прежде всего это данные по индо-тихоокеанской окраине Азии, Сибири и Новому Свету. Не считая отдельных африканско-австралийских сходений, которые, быть может, отражают представления эпохи выхода современных людей из Африки, заметны три основные системы трансконтинентальных космонимических параллелей. Самая ранняя связывает индо-тихоокеанскую окраину Азии с Новым Светом, прежде всего с Центральной и Южной Америкой. В частности, речь идет об интерпретации Млечного Пути («река», «змея», с оговорками «дорога мертвых») и лунных пятен («лягушка», «кролик»). Гораздо более многочисленные параллели, включая несколько вариантов сюжета космической охоты, связывают Северную Евразию с Северной Америкой, точнее, с ее западными и северными областями. Сибирские мотивы вряд ли попали в Новый Свет ранее открытия Коридора Маккензи (13 000 калиброванных* лет назад), некоторые, возможно, были принесены туда уже в голоцене. На рубеже плейстоцена и голоцена Сибирь, по-видимому,

---

* Калиброванные даты отличаются от условных радиоуглеродных. Последние основаны на времени полураспада неустойчивого изотопа ^{14}C . Этот изотоп появляется под действием солнечной радиации. После того как углерод усваивается растениями (или входит в состав раковин моллюсков), изотоп ^{14}C больше не образуется и постепенно распадается. Однако интенсивность радиации непостоянна, поэтому даты нуждаются в поправках, т. е. должны быть откалиброваны. Величина поправок была определена путем сравнения годовых колец долгоживущих деревьев с датировками образцов углерода из этих колец (сейчас также другими методами). Для палеолита калиброванные (т. е. календарные) даты отличаются от радиоуглеродных на несколько тысячелетий в сторону удреждения.

являлась мировым центром развития космонимии. Индо-тихоокеанский комплекс мотивов должен был сформироваться как минимум 17 000–20 000 калиброванных лет назад. Реконструкция североазиатской космонимии времени ледникового максимума и раньше вряд ли возможна. Европейская космонимия подверглась кардинальным изменениям после распространения производящего хозяйства и новых технологий и в основном отражает реалии железного века. Распространение мировых религий также оставило здесь значительный след. Интерес представляют космонимические связи Европы с Южной и Юго-Восточной Азией, причем направление заимствований не всегда ясно. По богатству и разнообразию европейская космонимия превосходит другие региональные наборы мотивов, что является следствием уникального культурного разнообразия континента на протяжении тысячелетий.

Книга написана на основе Аналитического каталога фольклора и мифологии*. Сотни людей из десятков стран мира внесли свой вклад в его создание, присылая неизвестные или недоступные мне материалы и исправляя ошибки (все оставшиеся, естественно, на моей совести). Что касается конкретно изучения космонимии и работы над книгой, то и здесь множество друзей и коллег в разное время оказали неоценимую помощь. Это Цімафей Авілін, Андрей Бер-Глинка, Елена Березович, Светлана Боринская, Ярослав Васильков, Валентин Выдрин, Альберт Давлетшин, Евгений Дувакин, Анна Дыбо, Мария Дьяконова, Михаил Живлов, Ильсеяр Закирова, Людмила Ермакова, Галина Кабакова, Леонид Коган, Александр Козинцев, Евгения Корovina, Наталья Макеева, Александр Матусевич, Андрей Матусовский, Дарина Младенова, Олег Мудрак, Владимир Напольских, Сергей Неклюдов, Александр Певнов, Илья Пейрос, Армен Петросян, Константин Рахно, Михаил Родионов, Светлана Рыжакова, Антон Салмин, Елена Соболева, Инга Стасевич, Иван Стеблин-Каменский, Наталья Тучкова, Наталья Янчевская, Jan-Åke Alvarsson, Paolo Barbaro, Václav Blažek, Christopher Cannon, Sergio Cangahuala Castro, Matej Goršič, Koichi Inoui, Ailton Krenak, Andres Kuperjanov, Ukjese van Kampen, George Lankford, Yoko Naono, Hitoshi Yamada, а также покойные Бошко Лашкарбеков, Рахмат Рахимов, Борис Рифтин, Артем Козьмин. Прошу прощения у всех, кого не упомянул, — их очень много. Отдельная благодарность нашей младшей дочери Майму как за помощь с литературой, так и за правку английского текста.

---

* СМ.: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>.

ВВЕДЕНИЕ

Космонимия среди других наук

*Плуг, Наседка и Воз — знамение от Бога:
пусть люди, чем бы ни занимались, его
поминают¹*

В 1964 г. У. Стертеван, куратор отдела этнологии Северной Америки в Музее естественной истории Смитсоновского института, сформулировал понятие «этнонауки»². Этот термин стал обозначать классификации явлений и объектов, свойственные отдельным культурам. Стертеван работал в рамках основанного К. Пайком направления «новой этнографии»³. Главным в концепции Пайка стало различие двух позиций в изучении культуры — позиции внешнего наблюдателя (этний подход) и позиции носителей культуры (эмный подход). Наблюдатель описывает факты культуры на основе научных классификаций. Носитель традиции понимает (или скорее ощущает) значение и смысл элементов знакомой ему картины мира. Наряду с этноботаникой, этнополитологией или этномедициной космонимия является этнонаукой — исследователь старается описать объект исследования, обращаясь к терминологии информантов. Вместе с тем, как только от описания определенной картины мира исследователь переходит к сравнению разных традиций, данные, полученные от информантов, превращаются в обезличенный материал для анализа.

После Пайка требование максимально приблизиться к позиции носителей культуры сделалось практически обязательным для антропологов. И хотя сам Пайк признавал правомерность обоих подходов, сторонники этного оказались в меньшинстве. Ситуация напоминала характерную для исторической науки конца XIX в., когда неокантианцы доказывали, что задача историка не искать «законы», а понять, как определенные люди и группы людей воспринимали мир в прошлом и какие цели они преследовали.

Этний и эмный подходы, равно как и номотетические и идиографические науки, не столь несовместимы, как иногда кажется.

В истории нет законов, но есть тенденции и закономерности. В физике есть законы, но возникновение нашего мира есть также результат неповторимого стечения обстоятельств. Как эмный подход в антропологии, так и «понимающая» история привлекательны возможностью выявить подробности и детали, которые иначе могли бы остаться незамеченными. Но накопленные знания рискуют стать не системой, а конгломератом, если отдельные исследовательские проекты не обобщены и не осмыслены в совокупности.

Линия разграничения между позициями вряд ли вообще отделяет тех, кто наблюдает со стороны, от старающихся смотреть на факты глазами информантов. Скорее она разделяет функционалистский и эволюционистский подходы в антропологии. Выбор позиции зависит от ответа на вопрос, чем определяются эмные образы и классификации. Если все это результат влияния конкретной природной и социальной среды, то сопоставление свойственных коллективам картин мира действительно не имеет большого смысла. Изучать остается механизмы влияния среды на культуру, взаимовлияние элементов культуры и своеобразие возникающих форм, чем, собственно, большинство антропологов и занимается. Примером наивного функционализма в интерпретации космонимов служит популярная в свое время книга Ю. А. Карпенко⁴. Ее автор воспринимал обозначения объектов звездного неба как прямое отражение того, что жителям Восточной Европы могло казаться важным и интересным в повседневной жизни. Подобные домыслы легко опровергнуть. Мозг у людей работает одинаково, но собственные отдельным культурам картины мира регионально специфичны, а это значит, что космонимические сюжеты и образы, как и любые факты фольклора и мифологии, не изобретаются и редко возникают многократно при наличии соответствующих условий, а воспроизводятся и копируются, отражая контакты между людьми, информационные связи и барьеры. Что касается первичного появления соответствующих мотивов, то судить об этом аргументированно невозможно, а гадать бессмысленно.

Если же эмные аспекты культуры не возникают здесь и сейчас, а копируются и заимствуются (от старших членов коллектива или от соседей), то варианты объяснений причин болезней, отношения к детям или цветовые предпочтения в выборе украшений тоже есть «социальные факты» (по Э. Дюркгейму). То, что любые социальные факты эмоционально значимы и подвергаются определенной оценке, вовсе не означает, что выбор одних форм и от-

торжение других есть результат рефлексии. Выбора тут по сути дела нет вовсе, а объяснения в пользу тех или иных решений подверстываются задним числом^{5*}. В этом отношении репликация элементов культуры не отличается принципиально от репликации в биологии, что подчеркивал не кто иной, как К. Гирц⁶.

Отличия от биологии существуют, но касаются они прежде всего соотношения копирования элементов по вертикали и по горизонтали. Эвкариотные организмы, во всяком случае многоклеточные, при возможных отдельных исключениях получают гены от предков, тогда как заимствование культурных особенностей не только от предков, но и со стороны осуществляется сплошь и рядом. Это делает культурную историю столь сложной, что целенаправленным изучением эволюции всего набора культурных элементов заниматься практически невозможно. Даже распространение отдельных элементов, имеющих особую значимость (типа колесной повозки, технологии добычи металлов или форм ткацких переплетений), изучать крайне трудно по причине фрагментарности данных.

То, что копирование в культуре обычно, а мутации редки, не означает, что культура вообще не реагирует на изменение внешних обстоятельств. Все дело в том, о каких ее разделах идет речь и каковы сами обстоятельства. Туркмены копали землю узкой лопаткой, а таджики — кетменем. Оба типа орудий вполне эффективны, поэтому роль традиции могла быть определяющей. Но нетрудно найти противоположный пример. В Средней Азии и на Ближнем Востоке стены домов возводили из сырцового кирпича

---

* Вот характерный пример. Этнографы нередко пытались записывать не только тот фольклор, что переходит из уст в уста, но и пересказы снов, т. е. продуктов индивидуального творчества. Ничего интересного из этого не вышло. В частности, такую работу проводили среди мохаве — группы индейцев, говорящих на языке семьи юма и живущих на границе Калифорнии, Невады и Аризоны. Мохаве всегда утверждали, что предания о прошлом они обрели во сне. На поверку оказалось, что с определенного возраста люди приписывают себе те «сны», сюжеты которых узнали от родителей, и что мохаве удивительным образом видят «сны» на одинаковые сюжеты). Сторонник психологического подхода к мифологии скажет, наверное, что это указывает на единство психологии этноса мохаве. Но гораздо вероятнее, что местный фольклор не отличается от любого другого и передается из уст в уста, а особенностью культуры мохаве является лишь обычай ссылаться на сны как на источник рассказа.

или пахсы, а в Северной Европе — из бревен, и вот тут уже никакая традиция с функциональностью конкурировать не могла. На аллювиальных равнинах не растет арча, а привозить ее с гор слишком дорого, зато глина доступна повсюду. В лесной полосе мало глины, но дерево не в дефиците. Переход от одной технологии к другой не происходит мгновенно, но отказ от явно неэффективных технологий неизбежен. Однако будь то пустыня или тайга, от истолкования галактики в качестве дороги, по которой вор тащил украденную солому, или же как пути перелетных птиц ничего не изменится. Соответственно, такие истолкования могут воспроизводиться тысячелетиями, поскольку это воспроизведение не сопряжено с дополнительными затратами, а факторы, которые могли бы способствовать распространению одних номинаций или исчезновению других, трудно даже вообразить.

Подход к культуре как к совокупности элементов, вовлеченных в процесс репликации и меняющихся лишь по мере накопления случайных ошибок и влияний со стороны, эффективен, таким образом, лишь для тех ее разделов, которые не имеют большого практического значения и не касаются сферы жизнеобеспечения. Кроме того, мы должны иметь дело с массовым материалом, лакуны в котором не отразятся на основных выводах. Данные фольклора и мифологии в целом и варианты представлений о небесных объектах в частности этим требованиям удовлетворяют.

О маловажности, периферийности этих разделов культуры необходимо сказать особо.

Принято считать (да и как иначе?), что чем важнее явление, тем больше оснований его изучать. Однако данные космимики тем и ценны, что способы истолкования небесных объектов никогда большого значения не имели.

Немногочисленные исследователи космимики обычно стеснялись со скудостью фактов и с отсутствием знающих информантов. Есть основания полагать, что «этноастрономы» всегда были редкостью. Знания о звездах оказывались точными и подробными лишь там, где они имели практическое значение. Это касается прежде всего австронезийских культур, в которых звезды использовались для навигации⁷, а также разного рода астрологических школ. Вполне вероятно, что для ориентации общественно-культурных сооружений тоже требовались астрономические навыки, хотя все подобные реконструкции (а их десятки

и сотни) довольно спекулятивны⁸, да и касаются в основном не звезд, а положения солнца в дни равноденствий и солнцестояний. Однако мы говорим не о практических знаниях, а о мифопоэтических народных интерпретациях, которые у тех же полинезийцев и микронезийцев довольно бедны. Хотя до появления больших городов и электрического освещения объекты ночного неба легко могли наблюдать все обитатели нашей планеты, вряд ли это обстоятельство существенно влияло на повседневную жизнь. Известно немало культур, в которых ночные светила игнорируются почти полностью. Соответствующие культуры испытывали не больше трудностей в организации годового цикла работ, нежели те, в которых календарь был связан с наблюдением за звездами. Определять по звездам время с точностью как минимум до получаса легко и удобно, но и сплошная облачность выживанию не угрожает. Точно так же нет данных о том, чтобы скотоводы или охотники испытывали серьезные трудности, передвигаясь с места на место в белые ночи или при пасмурном небе.

Изучать космонирию интересно не потому, что она играла важную роль в представлениях о мире, а с целью реконструкции таких аспектов прошлого, относительно которых другие исторические дисциплины информации не предоставляют или которые требуют совместных усилий специалистов, связанных с максимально большим числом независимых дисциплин. Нас, таким образом, будут интересовать не сами по себе знания о ночном небе у представителей отдельных культур, а различие и сходство между традициями. Соответственно, я не ставлю перед собой задачу суммировать данные о космонирии мира, но выбираю лишь те, которые представляют интерес для выводов исторического порядка. Реконструкции же, учитывая специфику материала, будут касаться прежде всего маршрутов переселений людей и конфигурации сфер культурного взаимодействия.

Здесь уместен фундаментальный вопрос: что может дать прослеживание путей переселения людей и контактов между культурными общностями, особенно если речь идет об отдаленном прошлом, которое для большинства наших современников, в том числе и окончивших университеты, лишено всякой конкретики? Не заставляет ли интерес к «миграциям» вспомнить немецких и английских миграционистов начала XX в., чьи фантазии давно отвергнуты, а методы с самого начала раскритикованы

(см. перепечатки ранних работ Ф. Боаса⁹)? К Л. Фробениусу, Ф. Гребнеру или Г. Эллиоту Смиту наша тема, однако, отношения не имеет.

Позиция автора этой книги близка не к миграционизму, а к эволюционизму в том виде, в каком он существует в XXI в. Наивные, хотя и закономерные для своего времени представления ранних антропологов о развитии человечества как об универсальном восхождении по ступеням прогресса были раскритикованы еще в конце XIX в.¹⁰ Однако потребовалось сто лет, прежде чем сложилось альтернативное видение истории.

Впрочем, современный «нео-неозволюционизм» не совсем одинок. Большинство исследователей, признавая огромное разнообразие влияющих на развитие факторов и форм социополитического устройства, все же ставят акцент на универсальности самого процесса социо- и политогенеза¹¹. Однако наличие капитальных различий между древними обществами Старого и Нового Света склоняет к мнению, что пути развития этих обществ стали расходиться еще до формирования надобщинного уровня социальной иерархии и, следовательно, конкретные особенности социополитического устройства не могут быть полностью объяснены условиями возникновения цивилизаций в Центральных Андах, долине Инда или Месопотамии. Они есть результат действия в том числе и случайных обстоятельств, определивших в дальнейшем преобладание тех или других форм культуры в обществах, которые не обменивались информацией между собой¹². Если же две системы не обмениваются информацией, различия между ними накапливаются, так что по прошествии времени расхождение может стать значительным.

Любые технологические навыки, культурные стереотипы, равно как и генетические особенности, которые кажутся сейчас само собой разумеющимися, возникли в определенное время, на конкретных территориях и в конкретной культурной и природной среде, и мы не знаем, что бы именно поменялось, если бы эта среда оказалась немного иной. Именно взаимоотношения между культурными общностями, экспансия одних обществ и исчезновение других и определяли направление эволюции. Так что прослеживание древних миграций и контактов, создание не стадиялистской, а исторической картины развития человечества — это не просто допустимое направление в науке, но важнейшая из ее задач.

Об истории изучения объектов ночного неба

Те данные космонимии, которыми мы пользуемся, как и материалы по фольклору и мифологии в целом, в основном были собраны в XIX–XX вв. Древние источники ограничены территориально, темны, отрывочны и относятся к периоду не ранее конца III тыс. до н. э. Однако по косвенным данным время широкого распространения (но не первого появления!) определенных космонимов определить все же можно.

Решающее значение имеет сравнение данных по территориям, контакты между которыми не были постоянны. Прежде всего речь идет о сравнении евразийских и американских материалов. Время и в какой-то мере этапы заселения Нового Света примерно известны. Соответственно, те мотивы, которые встречаются как в Азии, так и в Америке, в Старом Свете должны были появиться прежде, чем они были принесены в Новый Свет. Разумеется, это касается лишь мотивов, которые, во-первых, нетривиальны и не распространены по миру хаотично, а во-вторых, отсутствуют в регионе Берингоморья. В противном случае не исключена (а в некоторых случаях в высшей степени вероятно) постепенная диффузия через Чукотку и Аляску.

Существенно также сравнение данных по Африке южнее Сахары с остальным миром. Параллели между Евразией и тропической Африкой предполагают контакты не ранее голоцена, поскольку для позднего плейстоцена свидетельств обитания человека в Сахаре нет¹³. Однако даже для периодов максимальной аридизации полностью исключать возможность обмена информацией между Средиземноморьем и Африкой южнее Сахары все-таки невозможно, поэтому этот ориентир в определении возраста космонимов и фольклорных мотивов, общих для Африки и Западной Евразии, менее надежен, нежели сопоставление данных по Новому и Старому Свету. Значение африканских материалов в другом. Учитывая примерную реконструкцию расселения человека современного типа из африканской прародины, мы в состоянии оценить, какие элементы культуры могли появиться еще до начала этого процесса, а какие возникли позже.

Что касается Океании, время заселения которой относительно хорошо установлено и которая в дальнейшем не контактировала с азиатским материком, то эти материалы не столь существенны, поскольку речь идет всего лишь о трех тысячелетиях до

начала европейской колонизации. Австралия же в нашем исследовании вообще играет ограниченную роль. В отношении космонимии параллели Австралии с Африкой немногочисленны (хотя они есть), исторические связи с Южной Америкой трудно предполагать, а параллели с культурами Евразии и Северной Америки заведомо ограничены ввиду того, что в Южном и в Северном полушариях картина звездного неба существенно различается. Кроме того, степень изученности австралийских материалов недостаточно высока, чтобы наметить эволюцию представлений внутри самого австралийского континента.

Любое исследование предполагает оценку работ предшественников. В нашем случае историографическая часть будет краткой. За всю историю существования культурной антропологии лишь несколько десятков специалистов работали над изучением космонимии. Большинство этнографов и фольклористов не обладали соответствующими знаниями и, главное, не испытывали потребности их пополнить. Как только что было сказано, эта тема являлась второстепенной для информантов, поэтому исследователи ее тоже редко касались. В лингвистических работах космонимическая лексика обычно затрагивается, но составляет лишь ничтожную часть общего материала.

Большинство авторов, обращавшихся к космонимии ранее последней четверти XX в., либо ограничивались фиксацией фактов, либо, подобно упомянутому Ю. А. Карпенко, относились к соответствующим образам и сюжетам как к порождениям народной фантазии и мифопоэтического мышления, построенного на логичных, а иногда и на непонятных для нас ассоциациях. Авторы работ по региональной космонимии в качестве параллелей нередко бессистемно привлекали данные со всего мира по принципу «а вот у таких-то есть еще так-то». Круг аналогий определялся, главным образом, образованием, которое авторы получили. Знавшие греческий и латынь широко использовали античные источники¹⁴, остальные больше ориентировались на публикации по культуре внеевропейских народов. Представления о последних обычно бывали весьма обобщенными, различия между отдельными группами индейцев Америки или народов банту плохо осознавались.

Регионально исследования по космонимии распределены неравномерно. Большая часть работ, написанных с конца XIX в. до нынешнего дня, посвящена народам Европы. Данные, накопившиеся к началу XX в., были обобщены в капитальной монографии

Р. Х. Аллена, по манере подачи материала довольно архаичной¹⁵. К серьезным публикациям, без которых заниматься космонимией невозможно, относится серия статей К. Вольпати, посвященных космонимии романских народов Европы¹⁶. Славянские данные сейчас систематизированы и проанализированы едва ли не лучше всех прочих. Этим мы, в частности, обязаны двум выдающимся публикациям, посвященным исследованию в одном случае болгарских, а в другом — белорусских данных, но с учетом соседних территорий¹⁷. Польская космонимия была еще более полувека назад рассмотрена в монографии М. Гладышовой¹⁸, хотя концептуально эта работа намного уступает исследованиям Ц. Авилина и Д. Младеновой. Цель Гладышовой состояла, похоже, в том, чтобы показать разнообразие возможных интерпретаций небесных объектов и хаотичность их распределения по миру (а это, безусловно, не так). В 1990-х по полякам были опубликованы исчерпывающие космонимические данные¹⁹, но не оправданные логикой подачи материала случайные ссылки на далекие традиции встречаются и в этой публикации. Степень изученности космонимического материала у носителей германских языков намного хуже, чем у носителей славянских и романских. Полноценных обобщающих работ по финно-угорским и тюркским традициям также нет, хотя конкретных данных довольно много. В Восточной Прибалтике хорошо изучены эстонская и литовская традиции и несколько хуже — латышская и финская.

Данные по космонимии обычно бывают включены в обзоры и компендиумы по народным верованиям и представлениям, например болгарским²⁰, сербским²¹, французским²² или восточнославянским²³. Существуют публикации, ориентированные скорее на широкого читателя или студентов, нежели на антропологов и лингвистов²⁴, однако и они оказались очень полезны, особенно на начальном этапе работы. Разумеется, лучше обращаться к первоисточникам, хотя это не всегда удается. М. Э. Рут, открывшая русскую космонимию нашему поколению, широко использовала материалы Д. О. Святского²⁵, который сам много черпал из А. С. Ермолова²⁶, а последний опирался на русских и украинских собирателей фольклора XIX в. Если информация проста и конкретна, она может без ущерба переходить из одной публикации в другую, но риск ошибок, вызванных утратой деталей, остается. В книге я даю ссылки на те источники, которыми реально пользовался. По возможности это первые публикации либо фундаментальные

обобщающие работы по отдельным традициям и регионам. Однако иногда приходилось довольствоваться и материалом из более популярных изданий, например из статей В. А. Никонова²⁷. Выдающийся русский специалист в области ономастики В. А. Никонов впервые после Г. Н. Потанина и Д. О. Святского обратил внимание на трансрегиональное распространение космонимов как на источник для реконструкции древних культурных связей, но после возвращения со сталинской каторги не успел заняться этой темой всерьез.

Космонимия Сибири и Центральной Азии (включая Туркестан, Монголию и Среднюю Азию) изучена хуже европейской, но все же данных по ней достаточно для обобщений. Основу здесь заложил Г. Н. Потанин²⁸, собравший огромный, а порой и уникальный материал. Среди более поздних публикаций можно отметить исследования Л. Мандоки²⁹ и А. Е. Аникина³⁰. Данные по казахам неплохо обобщены³¹, но их недостаток — в отсутствии указаний мест фиксации, хотя казахи живут от Волги до Монголии. Совокупных данных по Кавказу много, но по некоторым народам их недостаточно или нет вовсе.

Зарубежная наука в основном получала материал по космонимии Северной и Центральной Евразии из обобщающих работ, авторы которых владели русскоязычными источниками. При этом случались ошибки — от неточных номеров страниц при ссылках на Потанина³² до осмысления русских номинаций в качестве перевода аборигенных³³.

Космонимия Северной Америки известна вполне удовлетворительно. Недавние исследования по космонимии атапасков не только закрыли существенную лакуну, но и продемонстрировали такие варианты интерпретации звездного неба, которые раньше не могли быть осмыслены и классифицированы³⁴. По космонимии североамериканских индейцев и эскимосов существуют как обобщения, так и глубокие аналитические разработки³⁵, а космологические параллели, связывающие Северную Америку с Сибирью, были отмечены еще полвека назад³⁶. К югу от Рио-Гранде ситуация хуже. Полнее всего описана космонимия народов майя³⁷, а также кечуа района Куско³⁸. Гвиана и Южный Конус изучены лучше, чем Амазония и Восточная Бразилия.

По космонимии Африки сведений довольно мало, однако степень разнообразия и детализации представлений об объектах ночного неба в Африке южнее Сахары невысока, поэтому основные